

*Ремезова И.И.**

**К ВОПРОСУ ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЙ
«МАССОВОЕ» И «ЭЛИТАРНОЕ»**

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимосвязи массовой и элитарной культуры. Анализируются понятия «масса», «массовое» и «массовый человек» в историческом контексте. Рассматривается роль элиты в развитии общества. Исследуется проблема творчества как базового принципа элитарной культуры.

Ключевые слова: массовая культура; элитарная культура; тоталитарная культура; «массовый человек»; творчество; элитарность.

Поступила: 07.06.2022

Принята к печати: 01.07.2022

Remezova I.I.

On the issue of interpretation of the concepts of “mass” and “elite”

Abstract. The article is devoted to the problem of the interrelation of mass and elite culture. The concepts of “mass” and “mass man” are analyzed in the historical context. The role of the elite in the development of

* *Ремезова Ирина Ивановна* – кандидат философских наук, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, e-mail: iremez.koz@yandex.ru

Remezova Irina Ivanovna – PhD in Philosophy, Scientific Employee of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: iremez.koz@yandex.ru

society is considered. The problem of creativity as a basic principle of elite culture is investigated.

Keywords: mass culture; elite culture; totalitarian culture; “mass man”; creativity; elitism.

Received: 07.06.2022

Accepted: 01.07.2022

Для цитирования: Ремезова И.И. К вопросу трактовки понятий «массовое» и «элитарное» // Вестник культурологии. – 2022. – № 4 (103). – С. 189–208. DOI: 10.31249/hoc/2022.04.14

Введение

Понятие массовой культуры, несомненно, связано с понятием массы, но связь эта не является прямой и однозначной. Особенности трактовки понятия массы (в контексте связи с человеческим сообществом) представляют немалый интерес, в частности, в связи с тем, что ушедший в историю XX век именовался рядом исследователей «веком толп» (Г. Лебон, С. Московичи и др.). Вопрос о роли народных масс в истории не теряет своей актуальности в наше время, так же как и вопрос о специфике массовой культуры и ее взаимосвязей с культурой элитарной.

Среди современных исследователей нет полного единодушия в трактовках понятия массовой культуры и объяснения специфики самого феномена массовой культуры. В частности, если говорить о происхождении данного феномена, можно отметить, что И.В. Кондаков полагает, что «...массовая культура существовала всегда, но исторически менялась, приобретая в каждую культурную эпоху свои специфические (структурно-функциональные) черты – вместе с изменением представлений о массах и культуре...» [Кондаков, 2018, с. 6]. А.Я. Флиер, напротив, полагает, что подлинная массовая культура «зарождается только в Новое время в ходе процессов индустриализации и урбанизации, трансформации сословных обществ в национальные, становления всеобщей грамотности населения, деградации многих форм традиционной обыденной культуры доиндустриального типа, развития технических средств тиражирования и трансляции информации и т.п.» [Флиер, 1998, с. 20–21]. Согласно И.В. Кондакову, 190

массовая культура «выделилась из традиционной (“народной”) культуры и всегда в той или иной мере сохраняла с ней связь <...> она органически присуща человеческой культуре вообще и является ее неотъемлемой составляющей во все времена, начиная с доисторических и кончая текущей современностью» [Кондаков, 2018, с. 7, 5]. В трактовке А.Я. Флиера массовая культура выступает главным образом как комплекс социальных проектов, связанных с воспитанием и образованием народных масс (это индустрия «субкультуры детства», массовая общеобразовательная школа, СМИ, система государственной идеологии и пропаганды, массовая социальная мифология, политические и общественные движения, система формирования массового потребительского спроса, индустрия досуга и др.) [см.: Флиер, 1998, с. 22]. Многообразие форм и видов проявления массовой культуры подтверждает необходимость уточнения терминологии, определения границ понятий и их смыслового содержания. Это должно послужить прояснению механизмов функционирования массовой культуры в ее взаимосвязи с другими формами культуры. Как замечает в связи с этим И.В. Кондаков, «массовая культура вырабатывает – по отношению к своему культурно-историческому “окружению” – основные механизмы социокультурной динамики, которые до сих пор остаются практически неизученными» ([Кондаков, 2018, с. 12], курсив мой. – *И. Р.*).

Гюстав Лебон и Габриэль Тард о понятии массы (толпы)

В своей книге «Психология масс», вышедшей в свет в 1894 г., Г. Лебон отмечает в качестве одной из выдающихся черт его времени вступление народных масс на арену политической жизни, т.е. их постепенное превращение в руководящие классы. Как пишет Лебон, «рост могущества толпы совершился прежде всего путем распространения известных идей, которые медленно насаждались в умах, а затем – посредством постепенного образования ассоциаций индивидов...» [Лебон, 2015, с. 11]. Какой бы характер ни имели идеи, внушаемые толпам, они, по мнению Лебона, могут овладеть умами людей лишь в том случае, если облакаются в простейшую форму и внедряются в сознание в виде образов. При этом сознательная личность исчезает, а чувства и идеи тех, кто составляет толпу, обретают единый вектор.

В результате образуется своего рода «коллективная душа», в которой, по словам Лебона, исчезают интеллектуальные способности индивидов, «разнородное утопает в однородном, и берут верх бессознательные качества» [Лебон, 2015, с. 17]. Толпу такого типа Лебон называет «одухотворенной». Мы можем обнаружить в его труде вполне ясное и однозначное определение этого социального феномена. «Блуждая всегда на границе бессознательного, легко подчиняясь всяким внушениям и обладая буйными чувствами, свойственными тем существам, которые не могут подчиняться влиянию рассудка, толпа, лишенная всяких критических способностей, должна быть чрезвычайно легковерна» [там же, с. 21–22]. По мнению Лебона, действия толпы в гораздо большей степени подчиняются влиянию спинного, нежели головного мозга, «и в этом отношении она приближается к совершенно первобытным существам» [там же, с. 20]. Лебон подчеркивает загадочный на первый взгляд парадокс толпы, суть которого сводится к тому, что изолированный от толпы индивид начинает подчиняться рассудку и освобождается от влияния массового возбуждения, не критичности и легковерия, свойственных человеку в толпе. Эта «загадка» имеет простое объяснение, связанное с особенностями положения индивида в массе, когда он погружается в пространство анонимности, способствующее отключению механизмов самоконтроля. Индивид в массе утрачивает качества сознательной личности, он превращается в своего рода *автомат*, управлять которым его собственная воля бессильна. На этом основывается практика сеансов массового гипноза, который осуществляется по схеме «заражения идеями». В результате подверженности внушению толпа может стремительно менять свое «настроение» и самым невероятным образом «внезапно перейти от самой кровожадной жестокости к великодушию и выказать даже при случае самый абсолютный героизм». В интеллектуальном отношении толпа всегда стоит ниже изолированного индивида. Как замечает Лебон, «в толпе может происходить накопление только глупости, а не ума» [там же, с. 17]. Толпа легко становится палачом, но так же легко она идет и на мученичество [см.: там же, с. 20]. Лебон уверен, что могущество масс представляет собой силу, которой ничто не может противостоять. Говоря о грядущем времени, он предвидит ситуацию, которую описывает такими словами: «Наступающая эпоха будет поистине эрой

масс» [Лебон, 2015, с. 11]. Масса понимается здесь Лебоном традиционно как *толпа*.

Г. Тард не согласен с Г. Лебоном в отношении того, что XX век будет «эрой толпы», утверждая, что это будет скорее «эра публики, или публик» [Тард, 1902, с. 10]. С точки зрения Тарда, между толпой и публикой дистанция огромная, хотя, пишет он, «публика частично ведет свое начало от известного рода толпы, а именно от аудитории ораторов» [там же]. Согласно Тарду, в одно и то же время можно принадлежать к нескольким группам публики, но к толпе принадлежать можно только к одной. Однако и публика, возбужденная чем-либо, может легко превратиться в фанатичную толпу. К счастью, замечает он, такого рода превращения случаются довольно редко.

Серж Московичи о XX в. как «веке толп»

Серж Московичи также уверен, что XX век достоин звания «века толп». Он называет толпу «беспреданно кишашей людской массой в состоянии бурления». «Это неукротимая и слепая сила, которая в состоянии преодолеть любые препятствия, сдвинуть горы или уничтожить творения столетий» [Московичи, 1998]. Именно в толпе наиболее ярко проявляется, на его взгляд, иррациональная сущность народной массы. «Взятый в отдельности, каждый из нас в конечном счете разумен; взятые же вместе, в толпе, во время политического митинга, даже в кругу друзей, мы все готовы на самые последние сумасбродства» [там же]. Иррациональность поведения становится основной характеристикой толпы. Люди, составляющие толпу, «ведомы беспредельным воображением, возбуждены сильными эмоциями» [там же]. Люди в толпе утрачивают всякую способность критически мыслить, «их совесть отступает перед силой иллюзий, как плотина сносится разбушевавшимися водами» [там же]. Говоря об иррациональной сущности масс, С. Московичи подчеркивает, что термин «масса» часто употреблялся со времен Французской революции, но «нужно было дождаться XX века, чтобы уяснить его смысл и придать ему научное значение» [там же]. XX век, век появления и бурного развития средств коммуникации совершил, по словам Московичи, переворот от культуры слова к культуре более могущественных наглядных образов. Означавшее собой XX в. развитие кино и телевидения открыло путь

для бурного развития визуализации в искусстве и коммуникации. С одной стороны, это способствовало облегчению восприятия «человеком массы» различных художественных идей (нет необходимости слишком напрягать интеллектуальные способности и расходовать мыслительные ресурсы). Это приводило к такому феномену, как «автоматическое мышление». Мышление такого типа, по мнению С. Московичи, «выражает восприимчивость к стойким, стереотипизированным и повторяющимся образам» [Московичи, 1998]. Разумеется, это не означает отмены воздействия силы слова – в данном случае к восприимчивости зрительного образа добавляется внушение словом, которое порой имеет магическую силу.

Однако, с другой стороны, нельзя забывать и о том, что многообразие способов и путей визуализации в искусстве открывает новые горизонты для творческих личностей, способных создавать художественный продукт на границах различных жанров и направлений. Но это удел немногих – одаренных творческими способностями людей. Для основной массы людей в «век толп» характерны, согласно С. Московичи, автоматическое, шаблонное мышление и довольно узкий горизонт в их картине мира. За ними прочно закрепился термин «массовый человек», или «человек массы».

Хосе Ортега-и-Гассет о массовом человеке

«Мы – люди маленькие, что с нас возьмешь!» – вот девиз людей, которые вполне комфортно чувствуют себя в тени большой массы таких же «маленьких» людей. Это удобная позиция, не требующая принятия решений и ответственности. Именно это имел в виду Хосе Ортега-и-Гассет, когда 90 с лишним лет назад в своей работе «Восстание масс» предложил нестандартную трактовку понятий «массовое» и «элитарное». Ортега утверждал, что самым глубоким и радикальным делением человечества на группы было бы различие их по двум основным типам: на тех, кто строг и требователен к себе самому («подвижники»), берет на себя труд и долг, и тех, кто снисходителен к себе, доволен собой, кто живет без усилий, не стараясь себя исправить и улучшить, кто плывет по течению. Тем самым он делит общество на массы и избранное меньшинство, но проводит разделительную черту по иному принципу – это деление не на социальные классы, а на типы

людей. Он замечает при этом, что, строго говоря, в каждом классе можно обнаружить и «массу», и настоящее «избранное меньшинство». Как писал Ортега в 1930 г., «особенность нашего времени в том и состоит, что заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее... Масса сминая непохожее, недюжинное и лучшее» [Ортега-и-Гассет, 1997, с. 47]. Ортега отмечает при этом, что история Римской империи стала историей господства массы, которая поглотила правящее меньшинство и встала на его место. Общество, которое не в силах справиться с «восстанием масс», испытывает культурный коллапс, оно обречено. Указанная ситуация связана с феноменом стадности, понятиями толпы и столпотворения.

О многоликости «человека массы»

На первый взгляд, Ортега придает понятиям «массовая культура» и «человек массы» однозначно негативную коннотацию. Но это не совсем так. Приступая к исследованию феномена «массового» человека и призывая читателя взглянуть в этот феномен, он называет его «чистой потенцией как высшего блага, так и высшего зла» [Ортега-и-Гассет, 1997, с. 70]. В данной формуле указаны два крайних полюса антропологической стратификации. Реальность гораздо сложнее и не сводится к однозначному противопоставлению всего двух типов людей, она представляет собой широкий и богатый спектр человеческих типов, характеров и особенностей. Разумеется, было бы ошибкой негативно оценивать все, что относится к понятию «человек массы». Один из крайних полюсов этого спектра действительно представлен такими характеристиками, как подверженность стихийности, непредсказуемость, неразвитость сознания (в частности, критического мышления), недостаточность образования, склонность к суевериям, внушаемость, слабость воли. Но есть и позитивная сторона массовости – это те культурные навыки, которые, пройдя проверку временем, «ушли в народ», стали культурным достоянием сообщества.

Элиас Канетти об особенностях массы

С точки зрения Э. Канетти, масса – это социальный организм, живущий по своим законам. Само понятие массы отмечено у Канетти чертами некоторой антропоморфности. Выражения типа «масса стремится» и «масса старается» неоднократно встречаются в его работе. «Жажда роста – это первое и высшее свойство массы. Она *старается* (курсив мой. – И. Р.) втянуть в себя каждого, кто в пределах ее досягаемости» [Канетти, 1997, с. 20]. Необычное поведение индивида в массе Канетти объясняет спецификой психологии личности. Он утверждает, что самое страшное для человека – это «прикосновение неизвестного», и только масса дает человеку возможность избавиться от этого страха. «Кто отдал себя на волю массы, не боится ее прикосновений. <...> Кто бы на тебя ни напирал, он такой же, как ты сам. Вероятно, этим объясняется, почему масса всегда *старается* (курсив мой. – И. Р.) стать как можно плотнее: она *хочет* (курсив мой. – И. Р.) максимально подавить свойственный индивидууму страх перед прикосновением. Чем сильнее люди сжаты, тем более они чувствуют, что не боятся друг друга» [там же].

XX в. – век господства «человека массы»

Возникает вопрос: в чем же загадка такого странного поведения масс и почему именно XX век демонстрирует особенно ярко проявления этой странности? Ответ можно почерпнуть из концепций философов, которые пишут о XX в. как веке техники и технической цивилизации. Освальд Шпенглер в своем знаменитом труде «Закат Европы» предрекал скорый закат европейской, «фаустовской» культуры, мотивируя наступление заката процессами урбанизации и индустриализации, которые неизбежно приводят к «массовизации» человеческого общества, превращению народа в массу (см. об этом: [Тавризян, 2009, с. 25–69]). Именно рационалистическую цивилизацию, связанную с бурным развитием техники, он считал примером деградации высших духовных ценностей культуры. Очевидными симптомами приближения конца «фаустовской» культуры О. Шпенглер считал «усталость западноевропейского духа от техники», а также связанные с этим обострение социальных противоречий и рост напряженности между

196

«обреченными на монотонный механический труд массами и “избранными”, познающими всю радость творческого изобретательского труда» [Тавризян, 2009, с. 57–58]. Свое видение роли техники в судьбе человека и человечества Шпенглер развивал в известной работе «Человек и техника». Бурное развитие техники способствовало росту населения, увеличению объема «человеческой массы», обострению противостояния творческой личности и «человека массы», которое, по словам Шпенглера, способно порой обрести трагический характер. «Всеохватывающее духовное опустошение, безотрадное равнодушие, не ведающее ни высот, ни глубин, пробуждает ожесточенность – против жизни *одаренных*, против *рожденных* творцами. Работники не желают ни видеть, ни понимать, что труд вождя является самой тяжелой работой, что от ее исполнения *зависит* и их собственная жизнь» [Шпенглер, 1995, с. 486]. Масса исполнителей, состоящая из «маленьких людей», способна смотреть на труд предпринимателей, организаторов, изобретателей лишь «завистливым взглядом», как замечает Шпенглер.

Карл Ясперс о роли техники в жизни массового общества

Известный немецкий философ Карл Ясперс в своих трудах исследовал роль техники и технической эпохи в развитии человечества и судьбы отдельного человека. Возникновение массового общества, «общества потребления и деловитости», он непосредственно связывает с господством техники. В мире, где мерой человека становится средняя производительность труда, судьба самого человека перестает представляться особенной ценностью. «Создается впечатление, что мир попадает во власть посредственности, людей без судьбы, без различий и без подлинно человеческой сущности. Кажется, что объективированный, оторванный от своих корней человек утратил самое существенное. Для него ни в чем не сквозит присутствие подлинного бытия» [Ясперс, 1991, с. 311]. Гигантский механизм технического способа бытия в своем производстве и сбыте продукции основывается, подчеркивает Ясперс, на массовой рабочей силе и массовом потребителе. Главной чертой технической эпохи становится обезличение, разрушение индивидуального бытия. В единичном индивиде живет только сознание социального бытия. Самого себя он ощущает как ни-

что. Во всем этом огромна роль бюрократического аппарата, обеспечивающего «массовый порядок существования». Организация жизни и труда в современном обществе связана, как пишет Ясперс, «с неизбежно массовым, все более обезличенным характером» [Ясперс, 1991, с. 311]. В условиях «господства и власти массы» Ясперс считает особенно острой проблему сохранения человеческого благородства и духа аристократизма. Он полагает, что аристократия подчас бывает подвержена такому перерождению, как превращение из «господства лучших» в «господство меньшинства». «То, что она в ряде случаев создавала неповторимый духовный мир, было следствием ее происхождения из подлинно благородного социального слоя и постоянного самовоспитания» [там же, с. 406]. Задачу современной эпохи он видит «в спасении воздействия наилучших, число которых невелико» [там же]. Ясперс всегда был всерьез озабочен вопросом соотношения техники и общества, проблемой технизации человеческой жизни. Пережив «эпоху становления тоталитарного могущества фашизма, его экспансии во всеоружии новейшей техники и гибель этой чудовищной машины, которой сумело противостоять и которую смогло сломить свободлюбие народов...» [Тавризян, 2009, с. 117], он не переставал углубляться в исследования процессов развития современного массового общества и массовой культуры, которой нередко может грозить опасность обрести черты культуры тоталитарной.

О специфике тоталитарной культуры

Именно феномен массовости прокладывает путь тоталитарной идеологии и служит для нее питательной средой. Тоталитарная культура, как замечает И.В. Кондаков, опирается на «массовый, аффектированный энтузиазм снизу, который подкрепляется апелляцией к простейшим архетипам архаического сознания. Она отличается причудливым сочетанием идеи преданности правящему режиму и его вождям с псевдодемократизмом, который находил свое проявление в поэтизации безликого “простого человека” из народа (т.е. массового человека) как воплощения вековой народной мудрости» [Кондаков, 1998 а, с. 261]. Главный пафос тоталитарной культуры, по мнению И.В. Кондакова, это идея консолидации и сплочения нации вокруг властных структур. В таких условиях массовая культура неизбежно

оказывается «под крылом» культуры тоталитарной. Своеобразную парадоксальность тоталитарной культуры И.В. Кондаков усматривает в том, что она, являясь по своей сущности культурой массовой, по своему происхождению коренится в культуре элитарной, поскольку «первоначально возникает из атмосферы и стиля, из норм и ценностей элитарного кружка, универсализируется в качестве некоей панацеи, а затем насильственно навязывается обществу в целом как идеальная модель и практически внедряется в массовое сознание и общественную деятельность любими, в том числе внекультурными средствами» [Кондаков, 1998 б, с. 388].

Проблема насилия

Самым типичным «внекультурным» способом решения проблем культуры можно считать духовное насилие, но в условиях тоталитаризма оно без труда может перейти грань духовного и обрести реальные физические очертания. Как полагает В.К. Кантор, «насилие является константой как доисторического, так и исторического существования человечества, склонность к насилию, к агрессии заложена в саму природу живых существ» [Кантор, 2007, с. 66]. В.К. Кантор подчеркивает, что в российской истории «чаще всего торжествовали те, кто не останавливался перед крайним насилием. Рефлектирующие либералы терпели поражение. При этом насилие получало социокультурную легитимацию, принималось массовым сознанием и даже выступало в известном ореоле» [там же, с. 157]. Тот факт, что насилие легитимизировалось и принималось массовым сознанием, создавал условия для формирования у людей искаженных представлений о сущем и должном, что неизбежно приводило к искажению человеческой природы, внушению человеку убеждения в том, что он представляет собой незначительную величину, нечто, не имеющее серьезного веса в обществе, ничтожную малость, пылинку (пыль под ногами вершителей судеб). Массовость сама по себе всегда представляла в истории во многом загадочный феномен: с одной стороны, покорность, бессловесность, безропотность, податливость, иллюзорную безопасность для правящего меньшинства; с другой – непредсказуемость и стихийное бунтарство, доходящее порой до бандитизма, бесовства. Это стихий-

ное бунтарство взывало к необходимости управлять им, дабы избежать абсолютно катастрофических последствий.

О содержании понятия «масса»

Традиционно характерным признаком человека как элемента, входящего в состав массы, считалось отсутствие лица и личности, безликость. По мнению В.И. Мильдона, «неразличение лица от массы веками воспитывалось в людях и поощрялось» [Мильдон, 2022, с. 190]. Именно это неразличение давало возможность воспринимать множество людей как «массу», такую субстанцию, которую можно «использовать по назначению», т.е. превращать в **средство**.

Не случайно в данном словосочетании используется слово «масса» – не множество индивидов, субъектов, единиц социальной общности, а именно масса, т.е. нечто аморфное, тягучее, малоподвижное, неструктурированное, пластичное, не разделенное на личности или индивиды, позволяющее лепить из себя что угодно. Масса – это нечто, лишенное субъективности, способное быть лишь объектом манипуляций, подвергаться дискурсивному подчинению, т.е. внушению необходимых для успешного управления ею штампов, шаблонов и стереотипов. Так называемому «простому» человеку, то бишь обывателю, порой отказывают в способности постигать сложные символы культуры, понимать значение метафор, метонимий, аллюзий, реминисценций и прочих иносказаний, ему отводится скромное место на обочине глубинного постижения смыслов. Для него адаптируют сложные классические произведения. Когда утверждают, что обыватель не способен понять иносказание и воспринимает информацию буквально, по существу ему отказывают в способности видеть чудесное в обыкновенном (иными словами – священное в мирском), что считается неизменным признаком мудрости, улавливать полет фантазии автора, постигать метафизическую реальность, а не только привычную повседневную, физическую. Массовая культура представляется в таком случае неполноценной, второсортной, неглубокой, приземленной, незатейливой, более того, ее порой называют эрзац-культурой.

Однако существует и более позитивная коннотация употребления понятия «массовая культура», когда ее трактуют как широко распространенную, популярную, хорошо известную. В настоящее время

можно наблюдать примеры преобладания коннотации именно подобного рода. Это связано с серьезными социокультурными и информационными процессами, порождающими явления не просто диалога культур, но процессы конвергенции массовости и элитарности как многоуровневой манифестации в различных культурных продуктах. Массовость и элитарность начинают обретать много новых точек соприкосновения.

Роль элиты в развитии общества

Нельзя не согласиться с мнением Ортеги-и-Гассета относительно того, что всякому обществу необходима творческая элита, в которую входят настоящие подвижники, люди, прошедшие своего рода духовную инициацию, иными словами, процесс «вочеловечения». М.Н. Эпштейн утверждает, что «для вочеловечения необходимо второе, духовное рождение, или своего рода “крещение” в человечество, т.е. сознательное принятие на себя миссии быть человеком – как приоритетной по отношению ко всем другим миссиям» [Эпштейн, 2016, с. 174]. Элитарность в культуре необходима обществу как прививка духовного здоровья и залог возможного развития. Носителями элитарности в обществе являются люди, способные совершить «прорыв к трансцендентному», в котором и обретаются высшие смыслы и ценности, осуществляются смелые фантазии и воплощаются идеалы. (О «прорыве к трансцендентному» см.: [Гайденко, 1997].)

Устремленность к трансцендентному как признак элитарности

Человек, стремящийся осознать свое положение в мире, но при этом лишенный ясного идеала, не имеющий представления о священном, трансцендентном мире, неспособен постоянно выдерживать на своих плечах тяжесть осознания той истины, что он одинок перед бесконечностью Вселенной, что силы его не безграничны. Но художник (в широком смысле этого слова), имеющий в своем духовном багаже представление о высших ценностях, не боится осознания этой истины. Он, как отмечает О.А. Кривцун, «хочет прорваться за открывшиеся горизонты. Да, его влечет бездна. Большинство людей живет так, чтобы скрывать от самого себя бездну, Ничто, довольствуясь видимостью

надежности и защищенности. Ужас пустоты в обыденной жизни спит» [Кривцун, 2022, с. 24]. Очень важно для художника не утратить драгоценный багаж представлений о смысле творчества, о главном содержании произведения – идеальном образе. Кроме того, стремясь совершить «прорыв к трансцендентному», нужно помнить, что трансцендентное трансцендентному рознь, так как бывает бездна космическая, ведущая к восхождению, и бездна хтоническая, особенно заманчивая, влекущая к падению. Если художник чрезмерно увлечен и захарован этой темной бездной, он открывает дорогу Безобразному. Интерес к безобразному понятен, его невозможно запретить или уничтожить. Человек-творец всегда будет стремиться понять мир во всем его многообразии. По мнению В.И. Самохваловой, безобразное в небольших дозах необходимо – оно есть своего рода «прививка», способствующая выработке иммунитета против зла. Но когда безобразного слишком много, оно начинает восприниматься как нормальное и в результате может стать нормой. (Об этом необходимо помнить всем новаторам, кто экспериментирует в поле темы безобразного. Важным предостережением в этом смысле может служить пример офорта Франсиско Гойи «Сон разума порождает чудовищ».) Подлинно творческий человек способен переработать и преодолеть в себе тягу к безобразному. Как пишет В.И. Самохвалова, «демоны, вурдалаки, ведьмы и вампиры, оборотни, коварные, полные зловещего смысла, могут жить в каждом, гнездясь в его бессознательном, но только “сон разума порождает чудовищ, приходящих из фантазий и снов”, в сочетании же с разумом фантазия способна порождать все искусства и все чудесные творения» [Самохвалова, 2012, с. 371].

Творчество как базовый принцип элитарной культуры

Как замечает О.А. Кривцун, «...в мучительном горниле творчества переплавлены необузданность и самообуздание. Страсть и культура. Инстинкт и чувство формы» [Кривцун, 2022, с. 24]. Культура, и в первую очередь культура элитарная, неразрывно связана, сплавлена с творчеством. Как замечает Г.С. Померанц, культура есть «путь постоянного творческого усилия, восстанавливающего единство духа. Этот девиз зовет нас, всех, кто услышал его, не дожидаясь конца нацио-

нальных и профессиональных споров, всем вместе противостоять вихрям, вырывающим человека из самого себя» [Померанц, 2014, с. 37].

Замечательно сказано про смысл творчества у З.А. Миркиной. По ее мнению, «творчество не есть придумывание, изобретение чего-то нового, что возникает, имеет начало – и будет иметь конец. Творчество (истинное) есть проявление вечного; проявление, т.е. делание тайного явным... Творчество – это таинство» [Миркина, 2008, с. 31]. Итак, творчество есть таинство, священнодействие. Нужно пройти большой и во многом неведомый путь подготовки к такой миссии. Элитарность в этом смысле есть избранность в «посвященные», способность хранить и поддерживать огонь вечных ценностей.

Подчас можно слышать сетования на то, что элитарность «нас покидает», что она «задавлена массой» и т.п. Полагаю, что это результат заблуждения. Элитарность как закваска духовности и высших культурных ценностей не может быть задавлена. Она может уйти в тень массовости (настоящая элита скромна и не склонна к звездной болезни), даже на какое-то время стать незаметной, но исчезнуть и уйти в небытие... нет, это не про нее. Она способна совершить множество «прорывов к трансцендентному» и подсказать обществу путь спасения от духовной деформации, упадка нравственности и прочих бед современной цивилизации.

Но обществу необходимы и массы – как множество личностей, пусть не всегда готовых к пониманию сложных концепций, но готовых к восприятию творений гениев и мастеров.

О взаимосвязи элитарной и массовой культур

Между элитарной и массовой культурами никогда не было абсолютно непреодолимых и непроницаемых границ. Это подтверждается таким явлением, как двойное кодирование культурных смыслов (об этом см.: [Кондаков, 2018, с. 26]). Но, вероятно, речь может идти не просто о двойном кодировании, а о мультикодировании, или многоуровневом кодировании. (Особенно если принять во внимание градацию культурных уровней, которую предлагает И.В. Кондаков, – он описывает пять уровней: элитарная; популярная; массовая; народная; «снятая» – см. об этом: [там же, с. 10].)

Но как художественное произведение или музыкальное творение имеют многоуровневую кодировку, так же сложно закодировано и сознание человека, которое может содержать внутри себя сочетание различных слоев культуры – в одном отношении оно может содержать простое, незатейливое содержание, а в другой сфере представлять образцы, близкие к элитарным. Иными словами, взаимодействие элитарной и массовой сфер культуры имеет подвижный, текучий, мерцающий характер, оно может меняться в процессе исторического развития и обретать различные формы, иногда непривычные для восприятия.

Само понятие культуры многозначно и многоаспектно. Можно описать культуру как «вторую природу», сотворенную человеком, как совокупность культурных достижений и произведений. Но не следует забывать о культуре как *способе, образе, стиле жизни*. В таком случае речь может идти о культуре восприятия Другого, культуре построения диалога и достижения гармонии во взаимоотношениях с миром и окружающими людьми. Такой аспект культуры особенно рельефно может продемонстрировать процесс слияния, более того, изначально-го единства массовой и элитарной культур. Человек, воспитанный в «простой», ничем не примечательной семье, может демонстрировать идеальный образец отношения к своему долгу, к работе, к друзьям, к семье, ко всему, что его окружает.

О возможности демаркации между элитарной и массовой культурами

В современной ситуации бывает подчас весьма непросто провести демаркацию между элитарной и массовой культурами. Глобальное распространение новых информационных технологий, развитие различных форм образования и самообразования, замеченное многими исследователями размывание границ элитарности (а подчас и стирание этих границ) вызывают вопрос: не пришло ли время пересмотреть структуру соотношения сфер и областей культуры? Нельзя не согласиться с И.В. Кондаковым, который полагает, что «в культурной парадигме постмодерна компоненты элитарной культуры и массовой культуры используются в равной мере как амбивалентный игровой материал, а смысловая граница между массовой и элитарной культурами оказывается принципиально размытой или снятой; в этом случае раз-

личение элитарной культуры и массовой культуры практически утрачивает смысл» [Кондаков, 1998 б, с. 388–389].

Вместо заключения

В настоящее время мы можем отмечать процесс заметного ослабления негативной коннотации понятия «массовое». Понятие «человек массы» уже не означает, что речь идет о примитивном, неразвитом человеке, неспособном к адекватному восприятию текста художественной культуры. Понятие «масса» в контексте отношения к обществу начинает идентифицироваться с понятием «множество». При этом понятие «единица», которое отражает фигуру отдельного «человека массы», также испытывает расширение – наполняется новым содержанием. Единица становится весомой сущностью социальной структуры общества, обретает важный, подчас сакральный смысл. Если воспринимать единицу социального множества как сотворенную по образу и подобию Бога, то это вполне укладывается в понимание важности того достойного места, которое занимает единичный элемент в космосе культуры. Тем более нельзя исключать такой возможности, что отдельный реципиент культурного достояния в результате личностного духовного развития может переместиться на новую ступень своего восхождения и стать творцом в рамках того культурного пространства, в котором ранее он был всего лишь созерцателем.

В понятии «элитарная культура» также происходят важные концептуальные изменения. Если традиционно под элитарной культурой понималась закрытая субкультура привилегированных групп общества, сознательно противопоставляющая себя массовой культуре (см об этом: [Кондаков, 1998 б, с. 385–389]), причем при всей декларируемой духовной аристократичности часто на деле ориентированная на владение материальной («элитной») собственностью и получение от жизни «всего и сразу», в настоящее время мы можем быть свидетелями не просто содержательного диалога и не просто двойного кодирования культурного продукта, но почти полного слияния и в некоторых случаях сращивания этих форм культуры. Но если размываются границы культур и просматривается тенденция к «растворению» элитарной культуры в массовой, это отнюдь не означает, что утрачивается само понятие элитарности. Оно остается как планка, задаваемая всем

участникам культурного процесса, как ориентир, образец, идеальный стандарт. Оно все в большей мере наполняется духовным содержанием и освобождается от посторонних коннотаций, связанных со стремлением к обладанию материальными ценностями. Понятие элиты не случайно становится синонимом понятия интеллигенции, о котором В.К. Кантор сказал: «...интеллигенция – это не социальная прослойка, это особое духовное состояние, особый тип жизнеповедения» [Кантор, 2007, с. 25].

Подлинная культура по определению элитарна. (И по большому счету также массова, поскольку не может замыкаться на узком круге «избранных» и «посвященных» и обращена к множеству личностей, народу, который по инерции продолжают называть «массой».)

Список литературы

Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. – Москва : Республика, 1997. – 495 с.

Канетти Э. Масса и власть / пер. с нем. – Москва : Ad Marginem, 1997. – 528 с.

Кантор В.К. Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 272 с.

Кондаков И.В. Русский масскульт: от барокко к постмодерну : монография. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 544 с. – (Humanitas).

Кондаков И.В. Тоталитарная культура // Культурология. XX век. Энциклопедия : в 2 т. – Санкт-Петербург : Университетская книга : ООО «Алетейя», 1998 а. – Т. 2. – С. 260–264.

Кондаков И.В. Элитарная культура // Культурология. XX век. Энциклопедия : в 2 т. – Санкт-Петербург : Университетская книга : ООО «Алетейя», 1998 б. – Т. 2. – С. 385–389.

Кривцун О.А. «Сделать по-настоящему негативное искусство невозможно, потому что сам этот процесс позитивен». Дэмьен Хёрст // Витальность искусства. Современные проявления. Аналитика / отв. ред. О.А. Кривцун. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2022. – С. 9–27.

Лебон Г. Психология масс / пер. с фр.. – Санкт-Петербург : Питер, 2015. – 224 с.

Мильдон В.И. Открылась бездна... Образы места и времени в классической русской драме. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2022. – 384 с. – (Humanitas).

Миркина З.А. Истина и ее двойники // *Миркина З.А.* Избранные эссе. Пушкин. Достоевский. Цветаева. – Москва : Модерн, 2008. – С. 10–68.

Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / пер. с фр.. – Москва : Центр психологии и психотерапии, 1998. – 480 с. – URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Vyek-tolp.html>

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды : пер. с исп. – Москва : Весь мир, 1997. – С. 43–163.

Померанц Г.С. Девиз рыцарей культуры // *Померанц Г.С., Миркина З.А.* Спор цивилизаций и диалог культур. (Лекции и статьи нулевых годов). – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив : Университетская книга, 2014. – С. 37–40.

Самохвалова В.И. Безобразное: Размышления о его природе, сущности и месте в мире. (К феноменологии, метафизике, методологии понимания). – 2-е изд. – Москва : Брис, 2012. – 592 с.

Тавризян Г.М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации». – Москва : РОССПЭН, 2009. – 216 с. – (Humanitas).

Тард Г. Общественное мнение и толпа / пер. с фр. – Москва : Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1902. – 200 с.

Флиер А.А. Массовая культура // *Культурология. XX век. Энциклопедия* : в 2 т. – Санкт-Петербург : Университетская книга : Алетейя, 1998. – Т. 2. – С. 20–22.

Шпенглер О. Человек и техника / пер. с нем. // *Культурология. XX век. Антология.* – Москва : Юрист, 1995. – С. 454–494.

Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 480 с. – (Humanitas).

Ясперс К. Духовная ситуация эпохи // *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / пер. с нем.. – Москва : Политиздат, 1991. – С. 288–418.

References

Canetti, E. *Massa i vlast'* [Mass and power / trnsf. from German]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997. 528 p. (In Russ.).

Epshstejn, M.N. *Ot znaniya – k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat' mir* [From knowledge to creativity. How the humanities can change the world]. Moscow ; Saint Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2016. 480 p. («Humanitas»). (In Russ.).

Gajdenko, P.P. *Proryv k transcendentnomu: Novaya ontologiya XX veka* [Breakthrough to the Transcendent: A New Ontology of the twentieth Century]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 495 p. (In Russ.).

Jaspers, K. Duhovnaya situaciya epohi [The spiritual situation of the epoch / trnsf. from German]. In Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, pp. 288–418. (In Russ.).

Kantor, V.K. *Mezhdju proizvolom i svobodoj. K voprosu o russkoj mental'nosti* [Between arbitrariness and freedom. On the question of the Russian mentality]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 272 p. (In Russ.).

Kondakov, I.V. *Russkij masskul't: ot barokko k postmodernu. Monografiya* [Russian mass culture: from Baroque to postmodern. Monograph]. Moscow ; Saint Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2018. 544 p. («Humanitas»). (In Russ.).

Kondakov, I.V. *Elitarnaya kul'tura* [Elite culture]. In *Kul'turologiya. XX vek. Enciklopediya* : v 2 t. [Culturology. XX century. Encyclopedia : in 2 vols]. Saint Petersburg, Universitetskaya kniga, OOO «Aletejya» Publ., Vol. 2, 1998 b, pp. 385–389. (In Russ.).

Kondakov, I.V. Totalitarnaya kul'tura [Totalitarian culture]. In *Kul'turologiya. XX vek. Enciklopediya: v 2 t.* [Culturology. XX century. Encyclopedia: in 2 vols]. Saint Petersburg, Universitetskaya kniga, OOO «Aletejya» Publ., Vol. 2, 1998 a, pp. 260–264. (In Russ.).

Krivcun, O.A. «Sdelat' po-nastoyashchemu negativnoe iskusstvo nevozmozhno, potomu chto sam etot process pozitiven». Demien Hyorst [«It is impossible to make truly negative art, because this process itself is positive». Damien Hirst]. In *Vital'nost' iskusstva. Sovremennye proyavleniya. Analitika* [The Vitality of art. Modern manifestations. Analytics] O.A. Krivcun (ed.). Moscow, Saint Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2022, pp. 9–27. (In Russ.).

Lebon, G. *Psichologiya mass* [Psychology of the masses / trnsf. from French]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2015. 224 p. (In Russ.).

Mil'don, V.I. *Otkrylas' bezdna... Obrazy mesta i vremeni v klassicheskoy russkoj drame* [The abyss opened... Images of place and time in the classical Russian drama]. Moscow, Saint Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2022. 384 p. («Humanitas»). (In Russ.).

Mirkina, Z.A. Istina i ee dvojniki [Truth and its doppelgangers]. In Mirkina Z.A. *Izbrannye esse. Pushkin. Dostoevskij. Cvetaeva* [Mirkina Z.A. Selected essays. Pushkin. Dostoevsky. Tsvetaeva]. Moscow, Modern Publ., 2008, pp. 10–68. (In Russ.).

Moscovici, S. *Vek tolpy. Istoricheskij traktat po psichologii mass* [The age of crowds. Historical treatise on the psychology of the masses / transl. from French]. Moscow, Centr psichologii i psichoterapii Publ., 1998. 480 p. (In Russ.). – URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Vyek-tolp.html>

Ortega-i-Gasset, H. Vosstanie mass [The Uprising of the masses]. In Ortega-i-Gasset H. *Izbrannye trudy* [Ortega y Gasset H. Selected works] (translated from Spanish). Moscow, Ves' mir Publ., 1997, pp. 43–163. (In Russ.).

Pomeranc, G.S. Deviz rycarej kul'tury [The motto of the knights of culture]. In Pomeranc G.S., Mirkina Z.A. *Spor civilizacij i dialog kul'tur. (Lekcii i stat'i nulevyh godov)* [Pomeranc G.S., Mirkina Z.A. Dispute of civilizations and dialogue of cultures. (Lectures and articles of the noughties)]. Moscow, Saint Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ, Universitetskaya kniga Publ., 2014, pp. 37–40. (In Russ.).

Samohvalova, V.I. *Bezobraznoe: Razmyshleniya o ego prirode, sushchnosti i meste v mire. (K fenomenologii, metafizike, metodologii ponimaniya). 2-e izd.* [The Ugly: Reflections on its nature, essence and place in the world. (To phenomenology, metaphysics, methodology of understanding). 2 nd ed.]. Moscow, «Bris – M» Publ., 2012. 592 p. (In Russ.).

Spengler, O. Chelovek i tekhnika [Man and technology / trnsf from German]. In *Kul'turologiya. XX vek. Antologiya* [Culturology. XX century. Antology]. Moscow, Yurist Publ., 1995. pp. 454–494. (In Russ.).

Tavrizyan, G.M. *Filosofy XX veka o tekhnike i “tekhnicheskoy civilizacii”* [Philosophers of the XX century about technology and “technical civilization”]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 216 p. («Humanitas»). (In Russ.).

Tard, G. *Obshchestvennoe mnenie I tolpa* [Public opinion and crowd / trnsf. from French]. Moscow, Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova Publ., 1902. 200 p. (In Russ.).